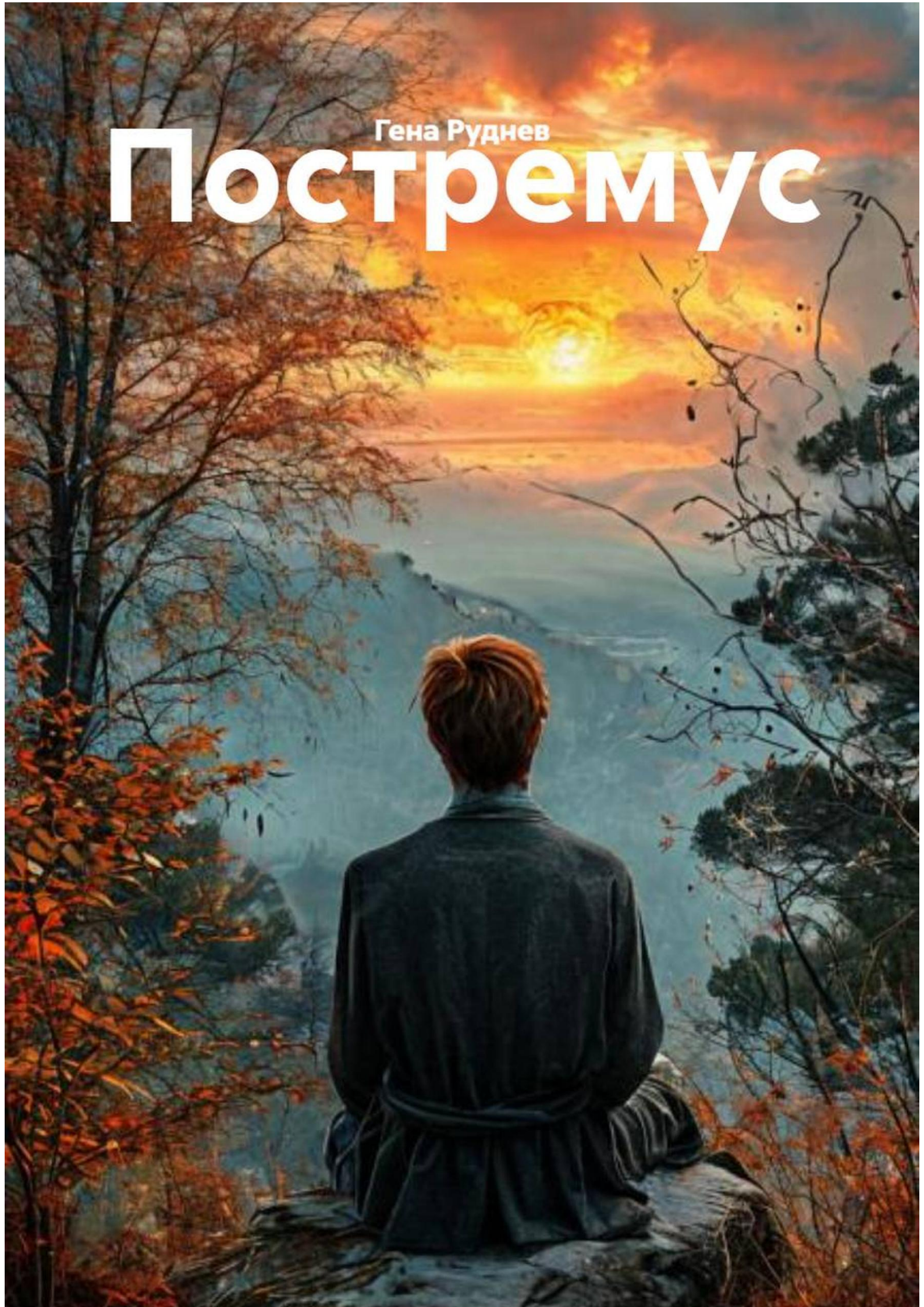

Гена Руднев

Постремус

Гена Руднев

Постремус

«Автор»

2026

Руднев Г.

Постремус / Г. Руднев — «Автор», 2026

Иван, уставший от своей монотонной жизни, желает лишь одного. Хотя бы на пару минут мир должен остановиться. И его желание сбывается. Теперь ему придется жить с этим пробирающим до ужаса момента.

Содержание

Глава 1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Гена Руднев

Постремус

Глава 1.

Трамвай дёрнулся и остановился. Свет внутри мигнул. Кого-то толкнуло. Кто-то что-то выронил. А кто-то выругался вполголоса. Тем временем Иван сидел непреклонно у окна, прижавшись плечом к холодному стеклу. В этой давке не то, чтобы ему повезло сесть на сидение. Как никак он вошел на первой остановке. Ему точно не повезло с погодой. Апрель. Грязный, мокрый, никакой. Уже не зима, но ещё и не весна толком. Так, переходный период, когда снег превращается в серую кашу, а деревья стоят голые, как провода. Лужи на асфальте отражали свет фар и фонарей - лишь жёлтые разводы, дрожащие от ветра. Иван смотрел на все это через холодное окно и думал, как ему не заболеть в такую хмурую, противную погоду. Как никак деньги нужны, а на больничный он не умеет уходит - просто не знает как.

Его кто-то прижал его к плечу. Час пик, пятница, все едут домой. А давление со стороны не прекращалось. Из-за этого каждый толчок трамвая отдавался болью.

Иван особо не принюхивался, но явно чувствовал сырость. Приятных запахов не было. Кто-то курил на остановке и занёс запах табака с собой - такой дешёвый, едкий, прилипчивый.

— ...а он мне говорит: «Ты отчёт не сдала». А я ему: «Я сдала, у меня письмо есть». А он... — Где-то рядом говорила женщина по телефону, и её голос пробивался даже сквозь гул колёс.

Иван не вслушивался. Голос сам поселился в его разуме.

Окно запотело. Иван протёр ладонью запотевшее стекло. Круг получился неровный, как иллюминатор. В этом круге было видно мокрую улицу, серые многоэтажки и редких прохожих, спешащих домой.

Ему хотелось тишины. Не такой неловкой и временной, какая бывает между разговорами, а настоящей. Чтобы ни голосов, ни звонков, ни музыки, ни этого бесконечного, изматывающего шума, который преследовал его с утра до ночи.

Трамвай качнуло на рельсах. Иван прижался лбом к стеклу.

За окном медленно выростал стадион. Новая бетонная громада, подсвеченная прожекторами. А на его месте раньше был лес. Потом бесконечная стройка и сейчас вот он стоит в ожидании важных матчей чемпионата мира по футболу. Иван видел его каждый день по пути на работу и обратно. Стадион не вызывал у него ничего. Когда-то, в детстве, он, может, и болел за местную команду, но сейчас это уже не важно.

Он перевёл взгляд на парковку перед стадионом. Там стоят несколько машин. Наверное сейчас проходит матч открытия арены. Там должно быть шумно. Тихо там лишь ночью. Просто представить: ты сидишь на одной из открытых трибун на верхнем ярусе и смотришь на город, который гудит внизу, но тебя не достаёт.

— ...передайте за проезд! — голос кондуктора вырвал его из мыслей.

Иван полез в карман за кошельком. Протянул карточку. Кондукторша - пожилая женщина с уставшим лицом - провела терминалом, вернула, даже не взглянув на него. Она видела сотни таких лиц за день. Иван был лишь следующим.

А долгая поездка продолжалась. Люди рядом с ним поменялись. Кто-то наступил ему на ногу, извинился, не глядя. Кто-то слушал музыку в наушниках так громко, что басы пробивались наружу. Тук-тук-тук, как сердцебиение чужого человека.

Иван закрыл глаза.

Он думал о доме. Не о том доме, куда возвращался сейчас, а о другом доме. Которого у него никогда не было. Маленький, у леса, с печкой, с тишиной за окном. Без телефона, без телевизора, без людей. Только он и огонь. Он часто думал об этом.

— Следующая остановка - Металлургов. — объявил голос.

Иван открыл глаза, поднялся, протиснулся к выходу, стараясь никого не задеть. Двери открылись с шипением. В лицо ударил холодный, сырой воздух, пахнувший бензином и тающим снегом.

Иван спрыгнул на асфальт. Двери за спиной закрылись, и трамвай уехал, увозя в своём жёлтом брюхе всех этих людей, которых он никогда не запомнит, но которые надоели ему за эти жалкие несколько минут.

Вокруг было тихо. Так тихо, что он на секунду замер. Только капли с козырька кап, кап, кап. И ветер, шелестящий прошлогодним мусором.

Он постоял так несколько секунд. Потом поправил воротник и пошёл к дому.

Перепрыгивая через лужи, он встречается со своим двором, который встретил его привычной картиной: стройплощадка, затянута сеткой, грязь под ногами, пара припаркованных машин, лужа размером с озеро прямо перед подъездом. Иван обошёл её по краю, ступая по битому кирпичу, и вошёл в подъезд.

Внутри было темно. Лампочка над дверью опять перегорела. Иван достал телефон, включил фонарик и тут же пришло уведомление о низком заряде батареи. Телефон выхватил облупившуюся краску на стенах, почтовые ящики с торчащими квитанциями и дверь лифта.

Кнопка вызова не горела. Лифт не работал. Значит сломался, а не застрял. Иван вздохнул и подошёл к лестнице. В это старой многоэтажки подниматься вверх по лестнице опаснее, чем на лифте. Да и путь не быстрый - восьмой этаж. Занятие спортом, которое лишь повредит, подумал Иван.

Он шел медленно и в этом было что-то почти медитативное. Ступенька за ступенькой. Шаг за шагом. Вот бы за это платили деньги, а не за то, чтобы разговаривать и терпеть людей.

На третьем этаже он услышал музыку - глухие басы, доносящиеся из-за одной из дверей. Кажется, кто-то начинал выходные пораньше. На пятом - запах жареной рыбы, густой и устойчивый. На седьмом - плач ребёнка, приглушённый стенами.

Обычный вечер. Обычный дом. Обычные люди.

Иван пришел к своей двери. Наверное идя с тем, чтобы мечтать о деньгах, поднимаясь по лестнице, не была такой уж и хорошей. Всего пару минут, а ноги подкашиваются. Полный рабочий день ведь длится восемь часов. Хотя можно 2/2, но двенадцать часов в день - это усилие для спортсмена.

Квартира с номером 47 и глазком, внутри которого горел свет. В кармане пикинул телефон, но он не достал его. Руками он ищет ключи. Всегда, в нужный момент, их сложно найти. Но всегда находятся. Иван вставляет ключ в замок и проворачивает его. Дверь открылась бесшумно. Из квартиры пахло теплом и чем-то домашним.

Он перешагнул порог и закрыл за собой дверь. В прихожей было тихо.

Иван на секунду замер, прислушиваясь. Не гудел холодильник, не бубнил телевизор, не доносились голоса из комнат. Разве может быть так спокойно в полноценной семье с двумя детьми?

Иван повесил куртку на крючок. Поставил ботинки на полку и прошёл в коридор.

Тишина была успокаивающая, как вода, в которую погружаешься после долгого шумного дня. Она никак не давила. Иван поймал себя на том, что идёт медленнее, чем обычно, стараясь не нарушить эту тишину скрипом половиц.

На кухне горел свет. На плите стояла еще теплая кастрюля. Из-под крышки поднимался пар. Значит все дома. Надя, жена, сейчас не на улице с детьми.

Иван лишь налил воды в чайник, поставил на плиту и сел за стол, глядя в одну точку. А точнее на трещину в кафельной плитке над раковиной, которую собирался заделать уже полгода.

— Привет.

Иван вздрогнул. Надя стояла в дверях кухни. Муж даже не услышал, как она подошла.

— Ты чего такой? — спросила она. — Я тебя звала, ты не отвечаешь.

— Не слышал, — сказал Иван.

— Понятно. — Надя подошла к плите, заглянула в кастрюлю. — Я котлеты сделала. Будешь?

— Попозже.

Надя кивнула и села напротив, смотря прямо на него. Иван чувствовал этот взгляд, хоть и не поднимал головы. Она хотела поговорить. Ей нужно было поговорить. Весь день она провела с детьми, весь день варила, убирала, проверяла уроки, и теперь ей нужен был тот, кто выслушает ее. Но не его.

— Я сегодня с младшим в поликлинику ездила, — начала она. — Два часа в очереди. Представляешь? Два часа. У него опять этот кашель, который не проходит. Врач сказала, что, возможно, аллергия. Надо анализы сдавать. Я записала на вторник, но тебе придётся с ним ехать, потому что у меня с утра маникюр... Ты меня слышишь?

— Ага, — продолжает смотреть Иван на кафель.

— И ещё. Ты обещал к маме съездить. У неё шкаф развалился. Она мне три раза звонила. Я понимаю, что ты устал, но ей же нужна помощь. И картошку не забудь отвезти.

Чайник закипел. Иван встал, снял его с плиты, потянулся за кружкой. А Надя продолжала, хоть и ушла с кухни. Сначала с коридора, потом из ванны. Её голос доносился отовсюду, и Иван не мог от него спрятаться.

— ...и ещё родительское собрание в среду. Я не успеваю, может, ты сходишь? У Веры опять проблемы с математикой, учительница просила подойти отдельно...

Сколько хлопот. Иван насыпал кофе в турку. Залил кипятком. Размешал. Каждое движение медленное, обстоятельное, как будто от точности этих действий что-то зависело.

В коридоре затопали ноги. Младший, Лёня, ворвался на кухню, держа в руках пластиковую машинку. Он был в пижамных штанах и футболке с динозавром. И на этой футболке пятна от сока на груди, один рукав закатан выше локтя.

— Пап! — Он дёрнул отца за штанину. — Поиграешь со мной? У меня тут гонка. Смотри, это красная, она самая быстрая. А это синяя. Она тоже быстрая, но у неё колесо отваливается.

Иван просто молчит и мешает кружку.

— Пап, ну пап!

Иван посмотрел на сына. Пять лет ему. А что было пять лет назад, кроме его рождения? Вспомнить невозможно.

— Попозже, — сказал он. — Папа устал. Давай чуть-чуть попозже.

Лёня постоял ещё секунду, глядя на отца снизу вверх. Ждал, что тот передумает. Потом развернулся и ушёл в комнату, волоча машинку за собой по полу. Пластик скрёб по линолеуму.

Через минуту из комнаты раздался крик. Дочь, что заканчивает четвертый класс, что-то не поделила с братом.

— Папа! Он опять мой планшет взял! Я уроки делаю, а он!..

— Я не брал!

— Брал!

— Не брал!

Иван взял кружку с кофе и пошёл в зал. Ему нужно было просто сесть. Просто пять минут. Просто чтобы никто ничего не просил.

Он включил телевизор. На экране возникла юмористическая программа. Какой-то канал. Тринадцатый? Деятнадцатый? Не важно. Это одна из тех программ, что идут вечно, перетекая из года в год. Ведущий в блестящем пиджаке что-то рассказывал, размахивая руками. Зал смеялся.

Иван сделал громче. Смех заполнил комнату: громкий, механический, закадровый. Он прибавил ещё. Ему нужно было, чтобы этот шум перекрыл всё остальное: голос Нади из ванной, крики детей из детской, мысли в собственной голове.

Телевизор хохотал. Иван смотрел в экран, но не всматривался. Просто слушал шум, как слушают дождь.

— Иван! — Рассержанная Надя стоит в дверях. В руке у неё был пульт, который она забрала его со стола и телевизор стал тише. — Зачем так громко прибавлять? У детей уши закладывает. Я тебя зову, ты не отвечаешь. Ты вообще меня слышишь?

— Ага.

— Что ты агакаешь? Ты как будто не здесь.

Иван ничего не ответил. Он был здесь. Но такой ответ еще больше рассердить ее.

Надя постояла ещё немного, глядя на него, ожидая ответа, но он так и не поступил.

Телевизор на экране продолжал смеяться. Теперь почти беззвучно.

Звонок родителей. Телефон завибрировал на журнальном столике. Так коротко, требовательно. Иван скосил глаза на экран. «Мама».

Он знал, о чем будет разговор. Он знал его содержание, знал интонацию, знал паузы между фразами. Можно было не отвечать. Но тогда она перезвонит. И ещё раз. И ещё.

Иван взял трубку.

— Да, мам.

— Ваня, ты уже дома? Я тебя не отвлекаю?

— Отвлекаешь. — подумал он.

— Нет. Говори.

— Сынок, отец собрался чинить шкаф. Ты же знаешь, ему нельзя ничего поднимать.

Приедь завтра, пожалуйста.

Иван закрыл глаза.

— Хорошо мам. Постараюсь.

— Ты в прошлый раз тоже говорил «постараюсь». А уже неделя прошла.

— Знаю. Я приеду. Правда.

— Ну смотри. А то мы уже старые, помощи ждать не от кого...

Она говорила ещё что-то - про погоду, про соседей, про то, что картошка в погребе промёрзла. Иван слушал краем уха, вставляя «да» и «конечно» в нужных местах.

Когда он повесил трубку, в груди остался знакомый осадок - смесь вины и раздражения.

Из детской донёсся пронзительный крик.

— Папа-а-а! — кричит Лёня.

Следом грохот. Что-то упало.

Иван поднялся с дивана и пошёл в детскую. У двери столкнулся с Верой которая вылетела в коридор с криком

— Он опять мой планшет взял! Я ему не давала! Он его сбросил с кровати, а теперь орёт, что это я!

— Я не брал! — донеслось из комнаты сквозь плач. — Она сама дала! А теперь отбирает!

Из ванной выглянула Надя. В одной руке у неё было полотенце, в другой щётка для волос.

— Иван, разберись с ними! Я целый день с ними одна! Я больше не могу!

Иван стоял в коридоре, и его тянули во все стороны одновременно. Он ничего не сказал. Просто зашёл в детскую, поднял планшет с пола, положил на стол.

— Всё. Спать. Оба.

— Но я ещё не доиграла! — возмутилась Вера.

— Спать.

Он вышел и закрыл дверь. За спиной тут же возобновилась перепалка. Тише, но всё равно перепалка. И так всегда с детьми.

Телефон завибрировал снова. На этот раз сообщение. Иван взглянул на экран. Костя, коллега из отдела. Тот самый Костя, который вечно всё сдаёт в последний момент, а потом просит помочь.

«Иван, привет. Отчёт реально горит. Шеф завтра будет смотреть, а у меня ещё половина не готова. Ты же вчера свой закончил? Скинь хоть набросок, я подгоню под свои цифры. Выручай».

Он набрал ответ:

«Скину завтра утром».

Подумал. Стёр. Набрал заново:

«Ок».

Телефон пиликнул — Костя прислал смайлик. Поднятый палец вверх.

Иван бросил телефон на диван. Работа должна быть в рабочее время. Но отдыха никакого.

С экрана ударил хохот. Закадровый смех. Такой громкий, лающий, какой-то даже агрессивный. Комик на сцене развёл руками, и зал взорвался аплодисментами. Иван лег на диван и в его голове лишь этот смех с экрана. Он перебивал все: голос Нади, помощь родителям, просьба коллеги и

Смех бил по ушам.

Пора спать.

Он нашёл пульт и выключил телевизор.

Смех пропал. Лишь из-за стены приглушённые голоса детей. Из ванной шум воды. А сверху шаги соседей.

Тишина не наступила. Тишины не было.

Прошло время. Ночь. Надя уснула, отвернувшись к стене. Дети перестали перешёптываться в своей комнате. Иван лежал в темноте на спине и смотрел в потолок. Глаза уже привыкли к темноте, и он различал трещину в штукатурке, которая шла от люстры к углу. Он смотрел на неё каждый вечер. Каждый вечер она становилась чуть длиннее.

За стеной, у соседей сверху, что-то загудело. Сначала глухо, потом громче. Музыка. Блатная, с гитарой, с хриплым голосом, который выводил что-то про волю и про любовь. Шаги стучали тяжёлые, неровные. Кто-то уронил что-то, потом грохот, звон. Женский голос что-то крикнул. Мужской ответил. Музыка продолжалась.

Иван закрыл глаза. Заткнул уши подушкой. В висках стучало. Усталость была не физическая. Как никак он не мешки таскал. Это была другая усталость. От голосов. От лиц. От ожиданий. От того, что он всем должен - жене, детям, родителям, начальнику, Кости из отдела, соседям, которые сверху. Должен слушать, должен отвечать, должен помогать, должен быть. Но он не хотел быть. Он хотел исчезнуть. Или чтобы все исчезли.

— Я так устал. Вот бы мне остаться одному. — прошептал он губами.

Соседская музыка наконец стихла. В наступившей тишине стало слышно, как где-то далеко, за окном, лает собака. Одиноко, протяжно.

Сон наконец-то одолел его.

Солнце. Бьет. В глаза.

Иван открыл глаза и зажмурился. Свет был яркий, непривычный, совсем не апрельский. Он лежал на спине, в той же позе, в какой заснул, и несколько секунд просто смотрел в потолок, ожидая, когда мозг включится.

Трещина на потолке. Всё та же. От люстры до угла.

Он повернул голову. Одеяло откинута, подушка смята. Надя встала, видимо, уже давно. Из коридора не доносилось ни звука. Из детской тоже.

— Проспал, — пробормотал он и потянулся к телефону. Экран не включался. Заряд сел.

Он встал, натянул домашние штаны, прошёл в коридор. Дверь в детскую была приоткрыта. Иван заглянул внутрь. Кровати заправлены. Или, может, не разбирались с вечера. На полу разбросанные игрушки. Планшет Веры лежал на столе, экраном вниз.

— Надя?

Ответа не было.

Он прошёл на кухню, а на столе вчерашняя кружка, которую он так и не убрал. В раковине пара тарелок. На плите та же кастрюля, что и вчера. Еда в нем прокисла.

Иван пожал плечами и подумал: Надя обиделась, собрала детей и уехала к матери. Такое бывало.

Он включил чайник. Достал турку, насыпал кофе. Засыпал мимо, просыпал на столешницу чёрные крупинки на белом пластике и не стал убирать. Нужно торопиться и идти на работу. А потом вспомнил: сегодня выходной.

Чайник закипел. Иван залил кофе, размешал, взял кружку и прошёл в зал. Включил телевизор и услышал этот противный писк. Вместо передачи там было изображение с разными цветами.

Иван переключил канал. Ещё один. Ещё. Писк. Писк. Писк. Нет изображения.

Он выключил телевизор.

— Профилактика. — сказал он вслух. — Как не вовремя.

Голос прозвучал громче, чем он ожидал, и он осёкся. Звук собственного голоса в пустой квартире показался чужим, как будто кто-то другой произнёс это слово за него.

Он отхлебнул кофе. Горячий. Обжёт язык.

А после услышал странный звук. Сначала он был далёкий, приглушённый стенами. Потом он понял. Где-то лает собака. В доме. Этажом выше. Или ниже.

Лай был необычный. Не такой, как когда собака просится гулять или лает на прохожих. Этот лай был отчаянный, непрекращающийся, захлёб, с подвыванием. Иван слышал, как собака мечется: когти стучали по полу, потом звук удалялся, потом возвращался. Лай прерывался только затем, чтобы набрать воздуха, и начинался снова. Его голова прояснялась из сна. Это лает не одна собака. Их множество. И не только собаки. Кошки так же выли.

Животные выли все разом - в унисон, вразнобой, перебивая друг друга, затихая на секунду и начиная снова.

Иван поставил кружку кофе возле дивана и вышел на балкон. Холодный воздух ударил его. Свередые, воющие голоса собак стали громче. И их голоса разносятся по всему городу.

Иван осматривает двор, улицы. И никого не видит. Окна соседних домов не горят светом. Хотя бы одна квартира, куда света не попадает много. Но нет. Свет в окнах не горит.

— Что все это значит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.